

СЛОВО О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ ДАВЫДОВЕ

21 апреля сего года умер Юрий Николаевич Давыдов. По символическому совпадению похороны его проходили в тот же день, что и похороны первого президента России — 25-го апреля, так что траур поистине был все-народным. Думаю, что когда-нибудь, и даже не в таком уж отдаленном времени, будет написана научная биография Юрия Николаевича, где опишут все этапы его творчества, перечислят и проанализируют его труды и т. п. Мне же сейчас хочется рассказать не об умершем выдающемся социологе Ю.Н. Давыдове, а о живом Юрии Николаевиче, поскольку мне, одному из немногих, выпало редкое счастье работать и регулярно общаться с ним на протяжении почти двадцати лет. К тому же, несмотря на то, что я присутствовал и на гражданской панихиде, и на отпевании в церкви, и на кладбище, и на поминках, я все еще ощущаю его как живого, отчетливо вижу его лицо, слышу его голос. И так, наверное, будет до тех пор, пока жив я сам. Еще я верю в то, что такие люди, как Юрий Николаевич, — настоящие ученые, настоящие подвижники, словом, люди *настоящие*, вообще не умирают, — они просто перешагивают в бессмертие, где и начинается их подлинная жизнь. И вообще, «кто был — в ничто не обратится».

В плане чисто человеческого Юрий Николаевич относился к тому типу людей, которых в прошлом и позапрошлом веке принято было характеризовать словами «прекраснейшей души человек». Напрягая все силы своей памяти, не могу припомнить ни одного случая, когда бы Юрий Николаевич был раздражен, сердит, на кого-то повысил голос, сделал какой-нибудь выговор. Он вообще не занимался делами дисциплинарно-бюрократическими. Никакой дисциплины в нашем секторе никогда и не было. Имею в виду дисциплину формальную. Зато всегда царила дисциплина высшего порядка, то есть самодисциплина. Самое большее, что мог сказать Юрий Николаевич, так это следующее: «Братцы (любимое его обращение к сотрудникам сектора), сроки-то поджимают, ну, напрягитесь немножко...» За опоздания на заседания сектора никогда и никому не выговаривал. У него была как бы априорная установка, что всякое опоздание или неявка на заседание сектора имеет уважительную причину. Думаю, что в 99 случаях из 100 так оно и было. Коллектив, который формировался вокруг Юрия Николаевича, всегда состоял из людей, безусловно преданных науке, которых не надо подгонять, понукать, которые вообще ни в каком администрировании не нуждаются. Это не значит, что все думали одинаково и во всем соглашались с Юрием Николаевичем, но все думали об общей идее, смотрели в одну сторону. В секторе вспыхивали иногда жаркие споры, но Юрий Николаевич, даже если категорически не соглашался с оппонентом, всегда был терпим, никогда не «давил», поскольку, помимо всего прочего, обладал незаурядным педагогическим талантом, то есть не только сам понимал проблему, но и понимал, почему ее не понимают другие. Думаю, что любой его оппонент, даже если он в конце концов оставался при своем мнении, выходил из полемики с ним чем-то обогащенный.

Познания Юрия Николаевича были поистине безмерны, и он щедро ими делился со всеми. Назвать его эрудитом было бы, конечно, неправильно. Эрудиты разгадывают кроссворды. Больше всего к нему подходит наименование «энциклопедист», только не в просветительском, а в гегелевском смысле слова. Истина в его голове располагалась не в алфавитном порядке, а в виде системы. И система эта была многоэтажная, многоплановая («Бердяев и Мережковский, — пояснил он мне однажды, — мыслители одноплановые, а вот Булгаков — многоплановый»). Глубину и сумму его познаний ни из-

мерить, ни взвесить было, конечно, невозможно. Мы, сотрудники сектора, со временем привыкли к тому, что Юрий Николаевич знает практически все, но тех, кто беседовал с ним впервые, он иногда в буквальном смысле слова потрясал. Однажды при мне некий редактор поведал ему, что они издали в переводе на русский язык одного немца, очень глубокого, интересного, но которого в России практически никто не знает. И спросил:

– А вы, Юрий Николаевич, знаете Розенштока-Хюсси?

– Знаю, конечно, много читал его в свое время... Вы, действительно, большое дело сделали.

Редактор, видимо, не поверил.

– Да когда же вы успели, мы только что сигнальные экземпляры получили, еще и в продажу не поступал...

– Так я его на немецком читал.

И он тут же назвал этому «усомнившемуся» еще одну работу «глубокого, интересного немца», которую, по его мнению, стоило бы перевести и издать в России.

Лично меня познания Юрия Николаевича выручали не раз. Если он даже и не давал сразу точного ответа на вопрос, то указывал направление, в котором надо искать. Но чаще всего ответы следовали сразу же. Как-то раз в книге, которую я готовил к переизданию, попала мне цитата из М. Горького. Посмотрел я на 30-томное собрание сочинений «буревестника» и загрустил: ведь на то, чтобы все это хотя бы по диагонали просмотреть, сколько недель, а то и месяцев уйдет! Когда шли из института, мне вдруг осенило: спрощу у Юрия Николаевича! Спросил, и тот час же получил ответ: это из «Исповеди». Открыл я соответствующий том, минуты две полистал и нашел именно эту злополучную цитату. В другой раз в разговоре с ним мы случайно коснулись вопроса о природе числа. Юрий Николаевич сразу как-то загорелся, вдохновился и в течение минут пяти изложил мне свое представление о сущности числа. Я понял, что над этой проблемой он когда-то много и плодотворно работал и размышлял.

По счастливой случайности мне где-то в 1990-х годах довелось присутствовать при беседе Пиамы Павловны Гайденко и Юрия Николаевича с американской исследователем русской культуры Бернис Розенталь. Дело вышло так. Позвонил Юрий Николаевич и сказал, что американка очень хочет увидеться с ними, а поскольку они оба с Пиамой Павловной немного приболели, он и просит меня «взять» ее из центра, привезти ее к ним в Теплый Стан, а потом доставить обратно, поскольку Москвы она не знает и к тому же ехать одна опасается из-за нашего «беспредела». Беседа займет ровно час, и много времени это у меня не отнимет, я ведь тоже живу в центре, где-то неподалеку. Я, конечно, с радостью согласился. Но какой там час! Разговор начался где-то часов в шесть вечера, а закончился за полночь. Американка была явно в восторге, от волнения с русского переходила на английский. Конечно, заочно, по книгам, она знала и Пиаму Павловну, и Юрия Николаевича, но вот что ей предстоит встреча с энциклопедией — нет, с двумя энциклопедиями — это для нее, безусловно, стало сюрпризом и неожиданностью. А когда Пиамы Павловны стала угощать ее еще и вареньем собственного приготовления, изумлению американки не было уже никаких границ: «Да когда же вы успеваете? Столько книг, столько статей и — варенье?!»

Пиамы Павловны с улыбкой объяснила ей:

– Мы с Юрой летом всегда на даче, там работаете хорошо, а это — между делом.

Думаю, что если бы не страх перед нашим «беспределом», Бернис Розенталь просидела бы у них до утра. Уходить ей явно не хотелось, но по ней видно было, что от переизбытка полученной информации она уже переутомилась и больше вместить

не может. А на обратном пути делилась со мной своими восторгами и впечатлениями. Впрочем, должен признаться, что мои собственные были не меньшими.

Но самый большой триумф Юрия Николаевича, свидетелем и очевидцем которого мне довелось быть, — это, конечно, международная конференция, посвященная Макс Веберу, которая проходила в конце 1980-х годов. Готовились мы к ней долго и тщательно, но больше всех, конечно, сам Юрий Николаевич. Помню, как он при этом волновался и переживал. Говорил нам в секторе:

— Как бы нам не осрамиться, братцы. Ведь это знаете, какие специалисты придут! Вы представляете себе, как немцы Макса Вебера знают? До последней точки знают, до последней запятой.

Но опасения его оказались напрасны. Немецкие коллеги сразу же по достоинству оценили Юрия Николаевича, и вся конференция проходила, если так можно выразиться, «на равных». А мне так даже казалось, что мы перевешиваем. То есть, не «мы», конечно, а он — Юрий Николаевич. Исхожу из того, что немецкие специалисты (безусловно, специалисты самого высокого класса) были, если воспользоваться сравнением самого Юрия Николаевича, «одноплановыми»: один специалист по теме «Макс Вебер и Восток», другой — по теме «Макс Вебер-историк» и т. д. А Юрий Николаевич — специалист-универсал. Мы в те дни многое узнали о Максе Вебере, но и немцы узнали не меньше. И не случайно, когда в Германии вышел том М. Вебера с работами о России, его прислали именно Юрию Николаевичу с просьбой написать рецензию.

Вообще писать и рассказывать о Юрии Николаевиче можно много и долго — бесконечно.

Но не могу не поделиться еще одним личным впечатлением. Он умер в довольно почтенном возрасте. Преждевременно или нет — на эту тему я ни рассуждать, ни писать не хочу и не буду. Никому из нас не дано знать «времена и сроки». Одному Богу дано. Однако в любом случае, он умер в том возрасте, когда человек становится стариком. Написал это слово, мысленно произнес его и сразу же понял: не подходит оно к Юрию Николаевичу, совсем не подходит! Зачеркнуть и забыть! Никогда Юрий Николаевич стариком не был. Я иногда улавливал в нем какие-то детские и даже немного наивные черты — конечно не в смысле «вечно юного Шиллера», — а в том именно смысле и в том количестве, которые позволяют человеку всю жизнь оставаться молодым, так что с годами он не стареет, а становится мудрее и все интереснее для окружающих. Конечно, это свойственно только гению или большому таланту.

Я стоял у гроба Юрия Николаевича и почему-то вспомнил слова В.А. Жуковского: «И спросить мне хотелось: что видишь, друг?» Конечно, он не встанет и не скажет. Теперь мы должны сказать свое слово о нем. Юрия Николаевича невозможно было не любить, невозможно было не восхищаться им, не тянуться к нему и не подтягиваться до него хотя бы в малой — каждому из нас доступной — мере.

Уверен, что не у меня одного, а у всех, кто был знаком с Юрием Николаевичем, кто учился у него, работал с ним, при известии о его смерти возникло чувство утраты очень близкого и любимого человека. Именно *человека*. (О Ю.Н. Давыдове как ученом уже много написано и сказано, и еще напишут). А человек — незаменим, значит и утрата невосполнима. Но, несмотря на скорбь, я все-таки очень благодарю судьбу, что она дала мне возможность столько лет работать с Юрием Николаевичем и общаться с ним.

Прощайте, дорогой Юрий Николаевич! Вечная Вам память и — спасибо за все.

Вадим Сапов